

Кривоусова З.Г. Жанровые особенности повести Р. Погодина «Где леший живёт?» - URL: [https://vk.com/doc288907438\\_638242143?hash=uUEUnpkB2sfwMchzD9XqsZU5A1WEfYPBGzJV9xIDzZo&dl=gypaNcmTaWZYMQhHuOhHkuH24QXlk8FsE2BMgCZ1ocs](https://vk.com/doc288907438_638242143?hash=uUEUnpkB2sfwMchzD9XqsZU5A1WEfYPBGzJV9xIDzZo&dl=gypaNcmTaWZYMQhHuOhHkuH24QXlk8FsE2BMgCZ1ocs)

**З.Г. Кривоусова**  
**ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕСТИ Р. ПОГОДИНА**  
**«ГДЕ ЛЕШИЙ ЖИВЁТ?»**

Произведение Радия Погодина «Где леший живёт?» сопровождается подзаголовком «повесть в рассказах». Оно состоит из шести самостоятельных глав, расположенных в определённом порядке и имеющих свои названия: «Что у Сеньки было», «Послевоенный суп», «Где леший живёт», «Осенние перелёты», «Леший», «Кони». Центральное место занимает рассказ, дающий заглавие всему произведению.

В центре внимания автора – жизнь мальчишки Сеньки и его односельчан во время Великой Отечественной войны в оккупированной фашистами деревне. Однако писатель не следует хронологическому принципу в изложении событий. Два первых рассказа отмечают начало и конец фабулы: «Что у Сеньки было» – мирное и при всех неурядицах счастливое довоенное время, «Послевоенный суп» – первые дни после освобождения деревни Малявино советскими войсками. Названные рассказы определяют событийные границы повести и дают представление об имевшихся и утраченных ценностях. До войны Сенька обладал богатствами, перечислению которых отводится почти страница:

«А были у него мать и отец.

Пёс Яша, свободной деревенской породы – и добрый и злой.

Кошка Тоня с котятами.

Зорька – корова.

Васька – поросёнок.

Десять простых овец.

Петух Петя с разноцветными курицами.

Изба высокая. А на окнах белые занавески.

Были у Сеньки огород с садом и деревня Малявино – тесовые крыши, насквозь пропахшая мёдом с окраинных лугов да горячими пирогами.

Все деревенские жители были Сенькиными.

Все птицы оседлые, все птицы пролётные, все букашки и золотые пчёлы, вся лесная тварь и озёрная, и та, что в реке, та, что в ручьях и болотах, по Сенькиному малолетнему разуму, жили – старались для него, Сеньки. И деревья, и неподвижные камни, и горячая пыль на дорогах. И небо. И солнце. И тучи [1, с. 119].

Значение каждого из этих сокровищ усиливается употреблением в названии рассказа глагола прошедшего времени («было»), подчёркивающего уже состоявшуюся утрату всего перечисленного, а также графическим выделением.

В первой главе упоминаются и другие персонажи, которые появятся в последующем: дед Савельев, бабка Вера, тётка Люба, тракторист Михаил, – но главное место занимает Сенька – непосредственный и общительный ребёнок, впервые почувствовавший единство «мира малого с большим и огромным», ощутивший кровную связь со своей землёй. «Ух ты, – подумал он, – куда от такой земли уйдёшь, если она моя! И мамка моя, и отец, и сестрёнка, и все люди-соседи, и птицы пролётные, и птицы оседлые – все мои. И старый дед Савельев, и совсем старая бабка Вера. Потому мои, что я ихний». Подумал Сенька ещё, что делить это ему ни с кем не нужно – неделимое оно. У каждого своё, хоть и одно и то же» [1, с. 132].

Рассказ «Послевоенный суп» демонстрирует изменения, произошедшие в облике и жизни героя в течение «выпущенного» автором времени. В «голубом, хрупкогрудом» мальчишке с «синюшными, ломкими и красными в пальцах руками» трудно узнать довоенного уверенного в себе и открытого миру Сеньку. Мы видим его глазами молодого танкиста, отмечающего в облике ребёнка нехарактерную для этого возраста серьёзность. «Маленький был мальчишка, лет семи-восьми, но танкисту показалось, что перед ним

либо старый совсем человек, либо бог, не поднявшийся во весь рост, не раздавшийся плечами в сажень, не накопивший зычного голоса от голодных пустых харчей и болезней» [1, с. 134].

Недетские рассуждения ребёнка рождают у считающего себя опытным воином молодого солдата ощущение собственной незрелости. «Наверно, только в эту минуту понял танкист, что и не жил ещё, что жизни как таковой не знает и где ему, скороспелому, объяснить жизнь другим людям так, чтобы они поверили» [1, с. 137].

Грёзы солдата о «доме сытом, с занавесками кружевными», о «весёлой краснощёкой девушке с высокой грудью и послевоенном наваристом супе с курятиной» [1, с. 138] – не только мечта о будущем, но и взгляд автора в счастливое прошлое, где всё это было.

За «Послевоенным супом» следуют главы, восстанавливающие пропущенные события. В центре каждого из рассказов – судьба одного или двух персонажей, часто не имеющих непосредственного отношения к Сеньке. История старика Савельева («Где леший живёт») сменяется повествованием о бабке Вере («Осенние перелёты»), за которым идёт рассказ о Кузьме Прохорове («Леший»). Завершается произведение главой о смерти деда Савельева («Кони»).

Хронологически не связанные друг с другом, фрагменты повести соединяются по принципу монтажа, позволяющему в небольшое по объёму произведение вместить обширный материал. Все названные истории вполне самостоятельны, внутренне завершены, содержат несколько сюжетных линий. В центре каждого из рассказов – судьба одного или двух персонажей, часто непосредственно не связанных с Сенькой.

Таковы, например, воспоминания деда Савельева о пребывании в немецком плену во время Первой мировой войны. Его размышления о незаконной любви к хозяйке Марте, о живущем где-то в Германии сыне перебиваются сюжетами о смерти укрывающегося на болоте раненого Михаила, об убийстве стариком нечаянно раскрывших эту тайну немецких

солдат («Где леший живёт»). Рассказ о бабке Вере переплетается с историей скитаний и страданий ленинградской мальчишки Володьки («Осенние перелёты»), дальнейшая судьба которого соединяется в рассказе «Леший» с трагедией полицака Кузьмы.

Эта глава является ключевой в повести: именно в ней раскрывается тайна Лешего, в мирное время пугающего людей, а в период оккупации помогающего им. История Кузьмы изложена подробнее, чем сюжеты, связанные с другими персонажами. Тяжёлое ранение на Первой мировой, невмешательство в события революции и гражданской войны, нэп, репрессии и строительство Беломорканала, работа на заводе в Хибинах, возвращение в родные места, труд на лесосеке, убийство учётика из блатных, тюрьма, из которой Прохорова освободили немцы, – эти события вроде бы мотивируют согласие героя быть полицаем. Однако после выхода из заключения «лишь на какой-то миг пригрезилось ему чувство отмщения, но он тут же отмахнулся от этой грёзы, потому что мстить было некому» [1, с. 217].

Жизнь Кузьмы во время оккупации окутана тайной: с одной стороны, официальная служба у немцев, а с другой – неясные слухи, идущие по деревне. Необъяснимые действия полицака, который готовится стрелять в немцев и попутно рассказывает Володьке о том, как воевал снайпером в Первую мировую, за что и получил «четыре «Георгия», полный бант – не шутка» [1, с. 203], рождают у мальчишки воспоминания о словах старика Савельева.

Володька ещё не понимает происходящего, но чувствует в Кузьме близкого человека. «И вдруг в Володькиной голове прояснилось, словно ветер сорвал тучу с неба, засияло, заголубело. И то, что Кузьма посадил его в вагон детдомовский, и то, что леща ему на дорогу дал и хлеба... И банка мёда, и мясной оковалок для спасительного бульона, чудом появившийся на бабкином столе. И слова деда Савельева: «Ты Кузьму кривого не трогай и не балабонь про него своим языком нечёсаным... Он своё дело делает, ты своё

делай...» И бабкино вдруг смирение от строгости стариковых слов. Всё слилось в простую и звонкую мысль. От этой изумительной радостной мысли Володька вздрогнул, подошёл, и обхватил шершавую шею Кузьмы, и заплакал, ткнувшись носом в его лешачье лицо» [1, с. 201].

Гибель полицая, стреляющего с колокольни в отступающих немцев, – это его ответ на заданный себе когда-то вопрос: «Кто же ты есть, Кузьма Прохоров? Кто?» [1, с. 219]. Способность забыть личные обиды перед лицом постигшей родную землю всеобщей беды делает этого героя более сложным по сравнению с другими.

Драматическим прошлым персонажа объясняются действия загадочного Лешего. После смерти Кузьмы оказалось, что «всё по деревням знали, отчего происходит тот звук, словно мокрым пастушьим кнутом из сердцевины небес. Знали, какая нечистая сила оставляла в изголодавшихся многолетних избах то банку консервов, то кулёк сахару» [1, с. 226].

Со стариком Савельевым и Кузьмой Прохоровым связаны были про Кузьмову гарь, где обитает Свист, и сказка о том, как русский чёрт немецкому чёрту бока ободрал. Кроме того, в книге представлен целый ряд фольклорных образов. Пространное описание «бесовского остроголового народа», существование которого способно сделать всё вокруг живым и понятным, определяет стиль произведения.

«До войны все леса и овраги, все озёра и речки были живыми. Селились в лесах лохматые лешие, имея такое свойство прибывать по желанию в росте до самых высоких деревьев и убывать до самой мелкой травинки. Силы они были страшной и обладали голосом громким. Ночью лешие выли. А по утрам зелёный пупырчатый водяной хлопал в ладоши, выгонял из озёр на луга своё стадо, собранное из тех коров, которые увязли да утопили в болотах. По лесным дорогам шастали кудлатые волки-оборотни. Ходили неопрятные шишиги, не умеющие расчесать свои длинные волосы. Проказничали над людьми, особенно над подвыпившими, разгульные братья шиши. В речках русалки куражились – берегини и водяницы. Банники и

гуменники по задворкам на кулаках дрались и вопили скрипучими голосами. На кладбищах таились упыри краснотубые. В чащобах глухо сидели ведьмы, ведуны и неясити. В старых избах домовый поскрипывал, колдовскую бесконечную пряжу пряд, на которой одними узелочками счастье в доме обозначал, другими узелками – несчастье и всё старался, чтобы счастья побольше выходило, но случалось, что по старости и засыпал. Тогда вылезал из какой-нибудь щели кикимора злостный, пряжу путал – свивал все узлы в один узел. Где-то гуляли лихие кудесники-чародеи, белобородые с чёрными, как вода в лесных бочагах, глазами. По вечерам, с туманом вместе, с томительным запахом лесной дрёмы – приворотной травы выходил на землю Мара-красавец.

Бабки деревенские посмеивались, круглили глаза из морщин, тёмные углы крестили, объясняли недомолвками подробности тайной жизни, словно сами были причастны к нечистой судьбе страшного демона Черногора.

И тут же бранились, употребляя имя лешего без опаски и даже с большим удовольствием. <...>

И всё было очень понятно» [1, с. 151].

С началом войны пустеют леса и озёра, потому что сказочные существа меняют привычный род занятий. «Зелёные леса казались <...> поникшими, они словно усохли, съжились. Стояли пораненные и опорожнённые. Тоскливо глядели в небо немые озёра. Земля будто укоротилась, потеряла вольную силу» [1, с. 153].

На вопрос Сеньки: «Дед, всякие лешие, оборотни, водяные, они где сейчас?» – старик Савельев отвечает: «Где им быть? Подались к партизанам» [1, с. 153]. Убеждение деда в том, что Свист «здесь. Этот со своего места не стронется», подтверждается финалом рассказа «Где леший живёт»: «Когда шли назад, что-то ухало в чаще, чьи-то глаза светились из папоротника, в болоте ворочался, вздыхал Свист. А на озере, в лунной осыпи, в бледных искрах, хохотала-стонала русалка» [1; с. 161]. Именно

фольклорные персонажи объединяют людей, помогая жителям деревни выдержать нечеловеческие испытания.

Эффект целостности произведения при внешнем отказе от логического согласования рассказов внутри повести создаётся благодаря изображению одного и того же события с разных точек зрения.

В «Послевоенном супе» Сенька, объясняя происхождение гнойных струпов на своём животе, рассказывает танкисту, как воровал у немцев варёную картошку. Об этом же говорят бабке Вере Маруська и Тамарка Сучалкина в «Лешем». Упоминаемую дедом Савельевым сказку про то, как русский чёрт германскому чёрту бока ободрал («Где леший живёт») рассказывает в «Осенних перелётах» Володьке Маруська. Соотносимая с историей Кузьмы Прохорова, который, находясь на службе у немцев, тайно помогает землякам, эта сказка, принадлежащая старику Савельеву и рассказанная сестрой Сеньки, объединяет персонажей повести.

Монтажная композиция позволяет автору раскрыть противоречивость самой незамысловатой, на первый взгляд, человеческой жизни. Переплетение сюжетных линий в границах рассказов и за их пределами воплощает сложность людских судеб, пересекающихся самым невероятным образом, зависящих друг от друга, определяющих близость героев не только степенью кровного родства. Сенька и другие деревенские ребяташки считают старика Савельева дедом, бабка Вера называет Володьку внуком, хотя формально они не являются родственниками.

Рассказы становятся повестью и благодаря персонажной сфере произведения. К жителям деревни Малявино – Сеньке, деду Савельеву, бабке Вере, тётке Любе, младшим ребяташкам – добавляются Кузьма Прохоров из Засекина, Володька из Ленинграда, молодой танкист и заночевавший в дедовском доме солдат.

Каждый из этих героев занимает в произведении своё место, в одних главах выходя на передний план, в других становясь эпизодическим лицом.

Смена ракурса в изображении персонажей рождает ощущение всеобщей причастности к изображаемым событиям.

Таким образом, выбор жанра – повесть в рассказах – даёт писателю возможность показать многомерность изображаемых событий, передать индивидуальность судьбы каждого из героев и их неразрывную связь друг с другом.

### **Литература**

1. Погодин Р.П. Где леший живёт?: Повесть в рассказах // Погодин Р.П. Лазоревый петух моего детства: Избранные произведения. – М.: Дет. лит., 1983. – 495 с.